

Карамзин и Шишков: два пути развития словесности

Одним из наиболее значительных событий литературной борьбы первой четверти XIX века, как известно, была полемика между «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом». При этом, участники «Беседы» традиционно воспринимались как защитники устаревших классицистических догм, а «арзамасцы» – как провозвестники романтизма, а вся полемика между ними истолковывалась как спор между классицизмом и романтизмом. Следует заметить, что полемика эта началась еще до организационного оформления «Беседы» и «Арзамаса». Собственно, она была предпосылкой возникновения упомянутых обществ. Между тем, как показал Ю. Н. Тынянов в своих известных работах, объединенных в сборнике «Архаисты и новаторы» (1929), сводить программу «Беседы» только к классицизму было бы неверно. Развивая историко-литературную концепцию Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотман справедливо заметил, что «... идейно-эстетические истоки «Беседы» достаточно противоречивы и что их отношение к старине, проблеме народности в литературе, языку и жанрам основывалось на различных, порою противоположных, системах. В частности, рационалистическое мировосприятие, характерное для века Просвещения, и лежавшее в основе эстетической теории классицизма, было в основном чуждо сторонникам «Беседы». Теоретическим построениям рационалистов противопоставлялись священные традиции, обряды, прошлое [3; 292-325].

Карамзин провозгласил и подтвердил собственной литературной практикой принципы так называемого «нового слога». Суть его сводилась к упрощению письменной речи, освобождению ее от «славянщины», тяжеловесной книжности, схоластической высокопарности, свойственных произведениям классицизма. Карамзин стремился сблизить письменный язык с живой разговорной речью

образованного общества. Однако, требуя «писать, как говорят», Карамзин отмечал, что русский разговорный язык еще надлежит создать.

В «Пантеоне российских авторов» (1802) Карамзин бросил взгляд на предшествующие этапы русской литературы с точки зрения развития разговорного языка и стиля, самобытных национальных начал литературы и разработки принципов изображения психологической характеристики.

Развитие русского литературного языка Карамзин разделял на эпохи:

1. Эпоха Кантемира.
2. Эпоха Ломоносова.
3. Эпоха сумароковско-елагинской школы.
4. Карамзинская современность, когда образуется «приятность слога».

Как реформатор языка, Карамзин определил основную линию его развития, потребовав писать, как говорят, и говорить, как пишут. Карамзину удалось объединить вокруг себя целое поколение родственных себе по духу литераторов, оказав большое влияние на русскую литературу и культуру 1790-1800-х гг..

Лингвистический дискурс, как известно, продолжался почти всю первую половину XIX века, и с 1818 года им начинает интересоваться и Пушкин.

В этот период намечается определенная близость Пушкина с позициями младших архаистов, в частности, с Катениным. Достаточно вспомнить, что 1818-1819 годы – это период работы над «Русланом и Людмилой». Несомненно, эстетическое чутье подсказывало поэту, что следуя лишь карамзинским литературным правилам, он свой замысел не реализует. Именно тогда Пушкин проявил особый интерес к поэтическим (стилистическим) опытам Катенина, которые оказали на него большое влияние.

Показательно, что много лет спустя автор «Руслана и Людмилы», вспоминая об этой полемике, с одобрением вспоминал творческую манеру Катенина: «Сия простота и грубость выражений, сия сволочь, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым» [5. – Т. VII.; 266-267].

И все же у Пушкина и младоархаистов было больше черт отличия, чем сходства. Ведь именно Пушкин продолжил лингвистические реформы Карамзина по созданию литературного языка, доказав тем самым перспективность предложенного Карамзиным пути.

Между тем языковой вопрос – это частный вопрос, вытекающий из принципиально различных представлений о сути и назначении художественного творчества. Как показал Л. Г. Фризман, спор шел о «жгучих проблемах общественного и литературного развития преддекабрьской России» [6; 41].

Таким образом, полемика о языке, на самом деле явилась отражением двух основных просветительских концепций: с одной стороны, последователи Руссо – архаисты-шишковисты, которые мыслили развитие человечества и его спасение только в возвращении к истокам, к природе, в попытке возрождения старинных обычаев и традиций. Здесь они видели источник высшей мудрости и опыта для человека. С другой стороны, последователи Дидро и Вольтера – карамзинисты, убежденные верователи в просвещение и человеческий прогресс. Все беды человеческого существования они видели в недопросвещенности и полуграмотности. Девиз архаистов условно можно было бы определить как «Назад к истокам!», а новаторов – «Вперед к прогрессу!».

Расхождение по лингвистическому вопросу было лишь одним из аспектов куда более широкого спора – спора об идее исторического развития русской культуры начала XIX века.

Сторонники Шишкова, отстаивая приоритет отечественных языковых традиций, по большому счету отстаивали просветительскую концепцию возвращения к природе, обычаю, старине. Полные противники каких-либо общественных перемен, реформ, нововведений, они видели единственным путем человеческого развития – путь по издавна сложившимся схемам и порядкам, путь, который создала сама Природа, путь, который человек не вправе и не в силах изменить.

Сторонники Карамзина защищали просветительскую концепцию веры во всестороннее образование и развитие, в человеческий прогресс. Языковые идеи

Н. М. Карамзина отражали его идеологические воззрения. Защитник просвещения и реформ Н. М. Карамзин стоял на позициях преобразования и либерализации общества, на позициях поиска новых путей общественного образования и развития.

Просветителям-карамзинистам была враждебна мысль о том, что существующий порядок человеческих отношений разумен, а окружающий мир – «лучший из миров». Для «шишковистов» же характерно оправдание существующего порядка [4; 295]. В определенной мере «шишковисты» поддерживали мысль о необходимости изучения и развития отечественной культуры, повышения общего уровня образованности в государстве; для них характерным был интерес к отечественной истории, защита идеи просвещенной монархии. Но критика феодализма, абсолютизма им не была свойственна. Какую-либо реорганизацию устоявшихся общественных отношений даже с учетом новых знаний и опыта они категорически отвергали. «Шишковисты» всячески способствовали укреплению сложившегося российского государственного порядка, провозглашая его единственно разумным и возможным. Они всецело препятствовали проникновению в российскую культуру западноевропейских философских, литературных, эстетических и политических идей, опасаясь тем самым повторения в России «известных» событий (имеются в виду революционные события во Франции). Какие-либо теории о необходимости преобразования человека и действительности они считали опасными. В вопросе образования и воспитания они признавали только отечественную традицию. Вера в человеческий прогресс, естественно, отвергалась ими напрочь. Поэтому мировоззрение «шишковистов» «...правильнее было бы определить термином «традиционализм» [4; 296].

Для «карамзинистов» же главным оказывалось стремление воспитать человека всесторонне образованного, гармонично развитого. В своих исканиях они ориентировались на европейскую культуру, считая что для России единственно возможный путь развития – это путь ознакомления с европейским культурным опытом.

Они были убеждены, что мир грешен, что в нем царствует неправда. Однако причину этого следует искать в злой природе человека. Поэтому их эстетическая позиция зиждилась на требовании внутреннего перерождения и самовоспитания. Идея веры в человеческое совершенство, в поступательность человеческого развития является стержневым моментом их мировоззрения. И решающая роль в этом процессе принадлежит просвещению. Отсюда стремление к возвышенным идеалам, воспевание героического прошлого (в противопоставлении настоящему), интерес к фольклору, жанровое и языковое новаторство. Не случайно Карамзин подчеркивал общественное значение литературы и литератора. По его убеждению, уровень развития словесности есть показатель уровня просвещенности в целом; литература, в свою очередь, есть один из двигателей просвещения.

Очевидно, что полемика «шишковистов» и «карамзинистов» – это полемика «о путях русского Просвещения в целом и о месте литературы в системе русской общественной жизни» [1; 295].

По мнению Ю. М. Лотмана, в спорах «шишковистов» с «карамзинистами» проявились радикальные расхождения в представлениях об идее исторического развития в русской культуре конца XVIII – нач. XIX столетия. Он считал, что языковые идеи Шишкова находились в очевидном соответствии с его основной концепцией истории [4; 286]. Согласно этой концепции, начальным состоянием нации были могущество и блеск, опирающиеся на чистоту нравов и верность традициям, а затем наступило время «порчи», падения, связанное с искажением основ народного характера. «Порча» языка непосредственно связывалась с утратой веры и разложением нравов.

Карамзин же рассматривал историю как процесс непрерывного поступательного движения. «История, по его мнению, – длительный путь восхождения народа по пути нравственного усовершенствования и «одухотворения» [2. – Т. III.; 644]. В сфере языка Карамзин отмечал «... закономерность перемен, необходимых по естественному, беспрестанному движению живого слова к дальнейшему совершенству...» [2. – Т. III.; 646].

Таким образом, языковой вопрос в начале XIX века был лишь частным проявлением гораздо более широких вопросов – о прогрессе человечества, о путях развития человеческой культуры, о месте и значении нации в истории.

Характерно, что ведущие литературные деятели той эпохи были не только литераторами и литературными критиками, они одновременно выступали и философами, и общественными деятелями, и учеными. Показательно наблюдение В. Э. Вацура: «В начале XIX в. меняется тип литератора. XVIII столетие знало литератора-философа, социолога, моралиста, для которого литература оставалась все же главным занятием (Фонвизин, Муравьев). Оживление социологической и философской мысли в начале александровского царствования приводит к появлению типа ученого, социолога, занимающегося литературной деятельностью» [1; 295]. Спор из области философии, истории и политики перешел непосредственно в сферы художественного творчества и критики.

Практически вся интеллигенция периода начала XIX века была вовлечена в эту полемику и условно разделена на сторонников Карамзина и Шишкова. Характерно, что это концептуальное разделение отразилось не только во взглядах на лингвистический вопрос, но и на вопрос о дальнейших путях развития русской словесности.

Литература:

1. Вацура В. Э. Литературное движение начала века. Карамзин. Жуковский. Батюшков // История всемирной литературы – М.: Наука, 1989. – Т. 6. – С. 292-305.
2. Карамзин Н. М. Сочинения: В 3-х т. – Л.: Художественная литература, 1984.
3. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 848 с.
4. Лотман Ю. М. О русской литературе. – СПб.: Искусство-СПб, 1997. – 848с.
5. Пушкин А. С. Собрание соч. в 10 т. – Москва.: Наука., 1964.
6. Фризман Л. Г. Пушкин и Рылеев: Уроки великого спора // Література. Літературознавство. Життя. – 36. наукових праць і матеріалів на пошану М. В. Теплінського. – Івано-Франківськ, Плай, ТзОВ “Поліскан”, 1999. – С. 40-53.